

Повесть «Тёмный лес» рассказывает о начале первой чеченской войны 1994–1996 годов, войны психологически новой, непонятной и безыдейной. Войны, на которой учились воевать и выживать...

Когда транспортник откинул рампу, Максим первым – потому что сидел в хвосте последним – шагнул на взлётное поле.

Вот он, буйный красавец Кавказ, где в небе парят большие орлы, в облака вонзаются горные пики, а по заснеженным склонам шумно скатываются прозрачные, с мягким голубым отливом речушки.

Погода стояла добрая. Чистый, с тонкой прохладцей воздух пах мягкой, чуть влажноватой свежестью. Ослепительно-белый снег широкой простыней укрывал жухлую, но всё ещё зелёную траву. Слабые порывы ветра напоминали мерное дыхание застывших в зимней спячке гор-великанов – сказка!

...

Они росли на книжках о войне, в которых всё было понятно: чёрное – белое, и никаких сомнений.

Расхождения с прочитанным начались до входа в зону боевых действий – ещё на перевалочной базе в Моздоке, где по прилёте на Кавказ разместился сводный отряд МВД.

– Вы пойдёте на штурм Грозного! – с пафосом провозгласил одутловатый генерал, выступая перед бойцами на складе овощебазы, на спех перекроенной в подобие солдатской казармы.

Слова его звучали как призыв к штурму Берлина.

Только за окнами стоял не 1945-й. И не Берлин...

Вечером по телевизору, добытому где-то ловкими ребятами, все увидели настоящую картину новогодних боёв в Грозном. Новости шли в экстренном режиме, прерываясь лишь на короткие реклам-

ные паузы (весёлые и неуместные, как плакат «Эх, прокачу!» на кафалке).

Далеко за полночь, когда многие, выключив свет, уже отдыхали, у кровати Максима всё ещё сидели бойцы, которым не терпелось обсудить услышанное, поделиться собственными, рвущимися наружу соображениями.

– Видели, сколько народу полегло? Не меньше тысячи, наверное.

– Вся Майкопская бригада.

– А слышали, что некоторые генералы отказались на Чечню идти?

И вся страна против.

– Ну, не вся.

– А кто запомнил, сколько их?

– Я помню... Значит, так: у них артиллерийские, зенитные, танковые полки; авиация – около сотни самолетов и вертушек; ещё мусульманский истребительный полк... Горная бригада... Полки национальной гвардии... Батальоны спецназа... Полки погранцов... Ну и что-то там ещё было.

– Ещё тейповые отряды. Плюс несколько тысяч наёмников. Итого – больше шестидесяти тысяч набирается.

– А наших сколько?

– Говорят, тысяч двадцать пока.

– Теперь уже меньше.

– Не понимаю, неужели нельзя было с ними по-мирному договориться? Там же Дудаев из бывших вояк. Берега-то видит.

– Наш Главный договариваться не любит. Помните, он в 93-м вместо разговоров приказал Белый дом штурмовать? Если бы «Альфа» не отказалась – была бы война.

– Всё-таки эмвэдэшники и фээсбэшники гибче армейцев.

– Ну да. Потому что пушек и танков нет на вооружении.

* * *

Как только пересекли границу с Чечнёй – тут же окунулись в чужеродный мир.

Поникло небо. По хмурому бесцветью стаями побежали серые остроухие тучи. Мертвенно-бледный снег смешался с глиной, превратившись в кашу, куда передовые отряды уже успели натывать бетонные кубики блокпостов.

Максим смотрел по сторонам из кузова «Урала», чувствуя, как меняется, тяжелеет воздух с каждым поворотом ребристого колеса. Солдаты, бойко стрелявшие сигареты там, на границе, – здесь, в паре километров от неё, были уже совсем другие. Чумазы, сторбленные, с усталыми обречёнными лицами, они, как зомби, таскали по грязи ящики с патронами, оборудуя огневые точки, укрепляя боевые позиции, пытаясь защитить свои хрупкие молодые жизни...

Чем ближе подъезжали к Грозному, тем сильнее пахло гарью, отчётливее слышалась артиллерийская канонада. Максиму казалось, что с каждой минутой воздух раскалялся всё сильнее и сильнее, будто колонна подходила к пожарищу.

Так и было.

Грозный, вдруг открывшийся за посыпанной снегом рощицей, действительно полыхал. Окрина города, словно обугленная кромка костра, чернела головёшками полуразрушенных домов. За ними, ближе к центру, бесновалось гигантское пламя, скакавшее до неба. Оно поминутно вздрагивало от ярких малиновых ожогов. Максиму вспомнились кадры военной кинохроники с видами разгромленного Берлина.

Но раздумывать было некогда: навстречу колонне уже выходили бойцы передовых отрядов. Грязные, щетинистые, злые ребята только-только зацепились за окраину Грозного, сумев выбить «чехов»* с территории какого-то завода.

– Стреляют днём и ночью, – говорил один из парней в обшарпанном прожжённом камуфляже. – Тыла и фронта здесь нет. «Чехи» везде. Их много – тьма. Трупам наших солдат завалено полгорода. Вывезти их под огнём пока не выходит. Маловато у нас силёнок. Сдохнуть можно в любую минуту. Но можно и выжить. Главное – не зевать, мужики, не подставляться...

* * *

Многие считали эти условия дикими. Ещё в Моздоке психологи объяснили, что в тяжёлых, не приспособленных для жизни условиях люди могут находиться от силы дней десять-двенадцать, не

* «Чех» – чеченский боевик (из армейского лексикона). – *Здесь и далее примеч. ред.*

больше, а потом неизбежен психологический срыв. Лучше бы они этого не говорили! Кто так настраивает бойцов на войну? А здесь была не какая-то точечная спецоперация «по восстановлению конституционной законности и правопорядка», здесь шла настоящая – с пушками, танками, самолётами – война, сил на которую не хватало у всей Российской армии, в прошлом огромной, могучей, а теперь вяло шаркающей драными сапогами по высланным минами чеченским дорогам...

...

На первой же улице ещё не огрубевшим взглядам ребят открылись жутчайшего вида дома, а вернее, то немногое, что от них осталось. Изломанные, перекошенные, с вырванными из боков кусками, со срезанными скальпами крыш, с дырявыми бетонными брюшинами, в которых виднелись ещё тёплые внутренности – кровати, диваны, сломанные шкафы, – они были похожи на калек, выстроенных в ряд по приказу какого-то лютого командира.

Но это были только цветочки. Ягодки появились следом.

Максим оторвал взгляд от домов, когда услышал за спиной громкие возгласы сидевших на броне земляков:

– У-ё-ё!..

– Мать моя!..

На тротуарах, на обочинах, в воронках лежали, а точнее – валялись рваными тряпками тела ребят в окровавленных серо-бурых камуфляжах. Разодранные минами, разбросанные лоскутьями, простроченные пулями-осколками, вывернутые наизнанку или смятые в комья, – они попадались на каждом шагу. Надо было остановиться, чтобы забрать их и увезти на базу. Но едва головной бэтээр начал притормаживать, как впереди гулко заухали чеченские миномёты. Этого Максим ещё не встречал в своей малоопытной двадцатидвухлетней жизни. Если со стрельбой ему приходилось сталкиваться при задержании бандитов, то мины он видел только в фильмах про войну...

* * *

На базе медик сказал, что у двух бойцов ранения средней тяжести, а у одного – тяжёлое: вырван кусок шеи, задет позвонок, перебила нога. Ему требовалась срочная эвакуация.

Антон подбежал к командирам, чтобы узнать, когда будет отправка на «большую землю»... Но услышанный им разговор похоронил все иллюзии на корню.

– Парня нужно срочно вывезить! – кричал Петрович столичному майору. – Он не дотянет до утра!

– А я тебе ещё раз говорю: «чехи» нам отрезали дорогу! Я же при тебе со штабом разговаривал. Водовозы к нам пробиться не могут. Расстреливают их там вместе с прикрытием. Чего ты от меня-то хочешь?

Антон всё больше темнел взглядом, понимая, что бойца сейчас вывезти не смогут. По сути выходило, что отряд сидел в блокаде, как в кипящем котле, из которого даже выпрыгнуть было некуда: повсюду орудовали «чехи». Он отрешенно смотрел перед собой и ничего не видел. Взгляд его был рассеян, а сердце стонало от бессилия и обречённости. Он чувствовал себя зайцем, которого схватил за шкуру огромный орёл. Вот он сдавил тебя мощными лапами. Вонзил в твоё мягкое, ничем не защищённое тело крепкие когти. Прижал тебя к земле. Лишил движения. Немного подождал, пока ты перестанешь трепыхаться и свыкнешься с мыслью о смерти, а потом начал жрать. Тебя, живого. Ухватил за бок острым клювом. Вонзил его до самой печёнки. Вырвал с хрустом кровавое мясо. Тебе невероятно больно. У тебя сводит от шока мышцы. Лопаются мозги. Ты орёшь, не в силах терпеть. Но это ничего не меняет. Следующий острый удар в живот. Клюв закусывает тебя клещами. Захватывает кишки. Кажется, что тебя вытаскивают из собственной кожи, как подушку из наволочки, рвут и продолжают жрать. И ты ничего не можешь с этим сделать. Только страдаешь, сходишь с ума, медленно и болезненно умираешь.

* * *

Все изготовились к броску.

По цепочке прошла команда «Внимание».

Вперёд с шипеньем полетели дымовые шашки. Белые клубы расползлись во все стороны. Заскрипели в «разгрузках»* рации.

Петрович вскинул руку:

– Внимание... Вперёд!

* «Разгрузка» – надевающийся поверх одежды жилет из плотной материи с карманами для боеприпасов, позволяющий «разгрузить» руки и спину военнослужащих.

Группы бросились на площадь.

Максим выскочил из-за укрытия вслед за Костей.

Тот припустил зигзагом, как положено, но, когда огонь духов с флангов резко усилился, рванул к высотке по прямой во все лопатки.

Стрельба ударила по ушам – оголтелая, разноголосая, злая. Всё заухало, затрещало. Не было времени различать по звукам оружие, но чувствовалось, что его много, слишком много. Долбили со всех сторон: слева, справа, спереди, сверху. Пули завывали, щёлкали по камням, с визгом рикошетили.

В воздухе запахло порохом. Смертью...

Как только сунулись в первое крыло, тут же словили пулемётную очередь навстречу – длинную, злобную, фанатичную. «Чехи» явно не собирались уходить из высотки, не сказав прощального слова.

Группа засела за стеной, край которой время от времени подтёсывали пули.

Боря, не высовываясь из-за угла, выставил наружу автомат и дал короткую очередь наобум.

Пулемёт заглох.

– Неужели снял? – удивился Петрович.

Максим припал к плинтусу и осторожно выглянул в проход.

«Чех» лежал в конце коридора, не шевелясь.

– Похоже, точно готов.

Боря, осмелев, высунулся на полкорпуса.

– Чистая работа, – кивнул он самодовольно. – И это я не целился. Пошли оружие забирать.

Когда он сделал первый шаг по коридору – в глубине вспыхнула истеричная стрельба. Причём не только пулеметная. Надо отдать должное сноровке Бори: он успел прыгнуть обратно за мгновение до того, как пули выщербил стены.

– Ни хрена себе, сколько их там засело! – вскрикнул он, будто выскочил из преисподней. – Из всех кабинетов палят. И пулемётчик живой. Схитрил, сука!..

* * *

Ночью Максиму снился тёмный лес. Корявый, дремучий, страшный, с поваленными деревьями, с травой по пояс, он закрывал солнце густой листвой, не позволяя ориентироваться даже днём. Куда бы

Максим ни шёл, в какую бы сторону ни смотрел, – нигде не замечал ни малейшего просветления. Но самым несносным было то, что он не понимал, что нужно делать. Ходил, преодолевая тяжёлые препятствия, отбивался палками от зверья, собирал ягоду, чтобы не умереть с голоду, но не видел конечной цели. В этих трущобах можно было бродить до скончания века, не зная, куда двигаться. Оставалось жить ради того, чтобы выжить.

Утром выехали на поиски украденного ночью бойца.

У открытых ворот колонна неожиданно затормозила.

Бэтээр Максима шел четвёртым по счету. С такого расстояния трудно разобрать, что происходит впереди. Но то, что случилось какое-то неординарное событие, угадывалось без особого труда.

Петрович терпел ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы взглянуть на закопчённое январское небо, поправить ремешок на «Сфере»*, проверить карманы пятнистой, с одной отлетевшей застёжкой «разгрузки», постучать берцами о серую, исчирканную пулями броню и смачно плюнуть под ноги. Сделав это, он соскочил с брони и, сморкаясь через одну ноздрю, зашагал к воротам...

Там уже собрались командиры других групп. Широкими грязными спинами они заслоняли сидящих на корточках полковника и столличного майора, на лицах которых блуждала полная растерянность. Петрович протиснулся ближе к центру.

То, что он увидел в следующую минуту, заставило сердце сжаться в маленький дрожащий комок...

На земле стоял ржавый, закопчённый дочерна мангал с выгнутыми стенками. На нём лежали кривые шампуры. Вместо кусков мяса на них были нанизаны бурые сморщенные сосиски. На некоторых из них, если присмотреться, ясно угадывались... обугленные ногти.

* * *

От пота, от грязи на коже появлялись язвы. Мелкие ссадины растирались одеждой до крови, до мяса, начинали воспаляться, гнить, доставлять массу проблем. Умные люди давно уже сменили носки на портянки, предусмотрительно взятые из дома, а глупые, такие как Максим, мучились, строгая железными берцами вонючие истерзан-

* «Сфера» – защитный титановый шлем, скорее всего, СТШ-81.

ные стопы. Волосы на голове превратились в проволоку, до которой больно было дотронуться. Ногти загрубели, обломались и выглядели как маленькие чёрно-жёлтые ракушки, ножницы их не брали.

Способ «сухой стирки» появился в отряде, как это часто бывает, совершенно случайно. На днях парни из соседней группы, дурачась, стали фехтовать друг с другом на палках. Как только кто-то из мушкетёров пропускал удар и воображаемый клинок касался одежды, – от неё тут же отваливался пласт засохшей грязи.

Антон с одеждой под мышкой вышел во двор. Там дышали жаром ещё не остывшие после выезда бэтээры, скромно дремали в сторонке тыловые «Уралы», чадила мягким дымком полевая кухня, у которой сновали чумазые солдаты-поварята с сигарками в зубах. В воздухе пахло терпким угольком, подгоревшей кашей, соляркой и сортиром, торчавшим большим кособоким скворечником неподалёку от машин. Начпрод стоял у дверей склада, сверкая чистой одеждой и напоминая полированную доску на чёрном сучковатом заборе.

– Привет тылу! – махнул рукой Антон.

– Привет фронту, – безрадостно ответил капитан.

– Что на ужин сегодня?

– Шрапнель, тушёнка и...

Договорить ему не дал крик Влада, донёсшийся из цеха. Судя по истеричности и звонкости вопля, причиной тому стало что-то неординарное.

Капитан вздрогнул. Антон развернулся и бросился в цех.

Подбежав к отсеку, он увидел, что Влад, внешне целый и невредимый, срывает с себя исподнее, кроя матом всех на свете.

– Вот! – орал он, сдирая с себя кальсоны. – Это вот что?! Вот это что?! Это вообще охренеть можно! Это, вашу мать, вообще ни в какие ворота!..

Боря тоже начал оторопело раздеваться. Максим последовал его примеру.

– Что тут у вас? – недоумённо спросил Антон. – С ума все посходили?

Костя пожал квадратными плечами.

– Вроде букашку какую-то нашли.

– Букашку?! – с новой силой взревел Влад. – Это, по-твоему, букашка? Букашка?! Это натуральная вошь!!! Слышал такое слово?

Вошь!!! У нас здесь вши завелись. Скоты! Все натуральные скоты! Вши, как в Первую мировую. Уроды!..

Антон поднял с земли грязную, с жёлтыми кругами под мышками рубаху, брезгливо вывернул один из швов наизнанку, пригляделся...

Да... Верно... Маленькая белая тварь, похожая на вытянутую каплю, медленно шевелила противной фигуркой-головкой с толстыми усиками, двигала корявыми членистыми лапками, пыталась заползти в складку. Спутать её с какой-либо другой мерзостью было сложно. Именно потому, что – мерзость.

У Антона тотчас зачесалось под мышками. Он отбросил чемпионскую рубаху, начал быстро стягивать с себя нательное бельё.

В таком виде и застал их Петрович, вернувшийся из штаба.

– Что за стриптиз у костра? – строго спросил он. – Что за племя папуасов?

– Вши! – выпалил Влад. – У нас вши завелись! Как в Первую мировую.

Командир нервно почесал грудь, шею, голову.

– Ты уверен?

– Я ещё в Моздоке вам говорил, что в хлеву живём. Вот. Дожились. Вши! Это надо так людей опустить. Меня ещё комфортом попрекали. Вот они ваши упреки. Вши! А я говорил, что будем молчать – сгноят. С грязью смешают. Вот. Кушайте с маслом. Гниём. В грязи сидим. Вшей кормим. Мало? Сколько ещё сможем этого дерьма сожрать? Ведро? Цистерну?..

* * *

– Как думаешь, вояки нам помогут? – спросил Антон.

– Ещё неделю назад я бы сказал – да. А сейчас не уверен. Тут такая неразбериха, что одна нога не знает, куда идёт другая.

– Не говори. Несогласованность жуткая. А жизнь-то одна, а?

Разговор оборвал сиплый вопль Кости из соседней комнаты:

– Танки!!! Мужики! Вижу танки!!!

Антон метнулся на свой рубеж, а Максим, открыв рот, взгляделся в даль.

Из-за обкусанной пятиэтажки на улицу, ведущую к дому, выворачивала чёрная бронированная глыбина. На носатой башне развевался большой зелёный флаг. Следом из-за горелой девятиэтажки

выползала вторая машина – без знамени, но с десантом на борту. В то же время толпа чеченцев оказалась на другой стороне улицы. В дыму от солярки плавно выкатился третий танк, на нём тоже сидели люди.

У Максима чаще застучало сердце. Чужие танки выглядели страшнее, чем свои. На секунду он почувствовал себя солдатом 1941-го перед фашистскими «тиграми». Рука потянулась к лежащей на полу «Мухе»*. Надо было срочно вспоминать, как с ней обращаться. Иначе против этих утюгов не выстоять.

Антон заметил «чехов» на своем направлении и закричал:

– Мужики, у меня чичи!** Много!

Костя выглянул из своей комнаты:

– Где? Далеко?

– Вон за теми домами. Только что выскочили. Целая стая!

– Когда ближе подойдут, свистнешь. А то с нашей стороны танки ползут.

Четвёртый танк Максим заметил, когда в дом влетел пушечный снаряд. Он попал куда-то в середину здания, но от мощного взрыва оно содрогнулось всем телом.

Гулкий гром прокатился по лестничному маршу, вломился в коридор, рассыпался по кабинетам, густым жаром обдал лицо. Максим пригнулся, ожидая, не упадёт ли что-нибудь на голову... Но нет. Слава богу, пронесло. Ещё раз судорожно дёрнул «Муху» и, наконец, раздвинул трубы. Переводя дыхание, выглянул на улицу. В какую глубину целиться? Сколько их там всего? Долетит ли заряд? Руки ходили ходуном, мушка тряслась, как малярийная, сердце колотилось барабаном.

В следующую минуту в дом ударили сразу два танка. Снаряды громыгнули с недолётом. Два жирных столба земли друг за другом взметнулись к небу, достав до верхних этажей. Взрывная волна вместе с камнями, щепками и осколками ворвалась в туалет. Максим за мгновение до этого успел присесть, но жарким вихрем зацепило макушку «Сферы». Голова его дёрнулась, как от боксёрского хука, а в шее что-то хрустнуло.

* «Муха» – одноразовый ручной противотанковый гранатомет (РПГ-18).

** «Чичи» – чеченцы (из армейского лексикона).

Взрывы заухали чаще и злее. Затрещали автоматы чеченского десанта, защёлкали по окнам снайперы. Бойцы тоже окрысились, заливая подходы к площади свинцом. Всё вокруг загудело. Воздух почернел, наполнился запахом жжёного пороха, стал густым, вязким. Дыша, как после долгого бега, Максим наконец прицелился в ближайший танк. Выдохнул. Замер. Нажал на спуск и...

Тут случилось неожиданное!

Будто кто-то толкнул его в спину двумя ногами одновременно. Максим вылетел из окна, не задев подоконника. Внизу зияли свежие воронки. Он упал на мягкий земляной гребень, скатился на дно, ничего не понимая, испуганно захлопал глазами. Что случилось? Как такое вышло? Чудно. Надо было срочно возвращаться назад, потому как находиться снаружи вдвойне опасней, чем внутри. Автомат остался в доме у окошка. Хуже не придумать. Один против стаи вооруженных кавказцев. С голыми руками. Идиот.

Он прислушался к звукам боя. Танковые пушки замолчали, зато усилился автоматный лай со стороны чеченцев. Будто огромная свора собак брехала на высотку, подбираясь ближе и ближе. Преодолевая боль в ноге, – видно, подвернул при падении, – Максим выглянул из воронки. Тут же рядом заплясали мелкие земляные фонтанчики. Пули защёлкали по камням, осами зажужжали над макушкой. Засекли, гады, теперь не дадут высунуться. В голове мелькнуло: «Противник заметил, как меня из окна выбросило. А свои, кажется, нет».

Максим опять выглянул из воронки. Чеченцы были далеко. Дождавшись, когда стрельба немного ослабнет, он выскочил наружу и, не разгибаясь, бросился к высотке. Ушибленная нога не позволяла полноценно бежать и загребала влево, туда, где зияла глубокая канава, в которую он и свалился, запнувшись о камни. Здесь его встретил тот, кого он меньше всего хотел бы видеть.

На дне канавы притаился с автоматом в руках плотный небритый кавказец. Он, наверное, перезаряжался и поэтому не успел выстрелить навскидку. Зато Максим среагировал мгновенно. Руки сами ухватились за короткий ствол автомата и провернули его по кругу. Сначала чеченский «борз», похожий на фашистский «шмайссер», быстро перекочевал к Максиму, но «дух» тотчас нашёлся и выбил его в сторону. Максим вспомнил, что все кавказцы с детства занимаются борьбой и поэтому искушены в приёмах. Это усложняло ру-

копашную схватку. Чеченец был молод, здоров, дерзок. А у Максима болела нога. Времени оценивать шансы на победу не было. Сам не зная почему, но он вцепился зубами в крючковатый нос кавказца. Спустя мгновение раздался глухой гортанный рык. Максим почувствовал, что ведёт бой, и ещё сильнее сжал зубы. Мотнув по-звериному головой, он откусил мясистый кончик вместе с ноздрями. Чеченец взревел. В следующий миг пальцы Максима сами собой воткнулись в глаза противника. Один проскользнул мимо, но другой попал точно в цель. Истошный вопль «духа» окатил площадь. Максим, не отставливаясь, вцепился в его черногривую голову и резко развернул её задом наперед. Хрустнули шейные позвонки. Чеченец замолк. Обмяк. Рухнул на землю. Кажется, всё. Дело было сделано.

Только сейчас Максим почувствовал во рту медный привкус крови. Его начало тошнить. «И всё же человек – натуральное животное, – думал он, подбирая трофейный автомат. – Ведь укусил на подсознании и рванул мясо, как хищник. Как людоед...».

* * *

Бойцы заняли круговую оборону и выжидающе затаились в укрытиях. Костя опустил на корточки за будкой стрелочника, а Максим с удовольствием примостился под боком ближайшего трамвая.

– Ты как там? – вполголоса спросил Костя.

– Лучше всех. Как у себя дома. Сказка.

– А у меня тут как-то не очень.

– Боишься?

– Чего?

– Что бабай из будки выскочит.

– Ерунду какую-то метёшь. Сказочник, блин.

Не прошло и минуты после этих слов, как дверь перед Костей приоткрылась и на свет показалась чумазая взлохмаченная голова.

– Русские? – спросила она испуганно.

Костя потерял дар речи.

Максим, видя, что друга заклинило, сквозь зубы процедил:

– Мордой в пол, руки на затылок. На счёт «раз» – стреляю!

Человек открыл дверь – а это был человек, а не чёрт из преисподней, как, наверное, показалось Косте, – и наружу выбралось непонятного пола существо в грязном чёрном пальто и разбитых ботинках.

– Можно я не буду ложиться? – спросило оно голосом, похожим на мальчишеский или женский.

Максим замешкался с ответом, но здесь уже расклинило Костю.

– Т-ты к-кто такой, такая? – заикаясь, спросил он.

– Саша.

Это не добавило ясности знакомству.

– Кто ты? – тупо повторил Костя.

– Са-ша, – прозвучало по слогам.

Максим, решив, что эти двое могут соревноваться в бестолковости до вечера, взял допрос в свои руки.

Он выяснил, что под чумазой личиной бабая скрывается девушка, русская, из местных, не успевшая эвакуироваться перед началом войны.

– Пойдёмте со мной, – поманила она рукой. – Мы вам там всё расскажем и покажем.

– Где? – недоверчиво спросил Костя.

– Пойдёмте, – кивнула она на дверь. – Я вас проведу.

Пока Максим искал глазами столичного майора или Петровича, чтобы доложить о встрече, Костя уже скрылся за дверью. Теперь стало понятно, что речь он потерял не столько от неожиданности, сколько от появления приятной, хоть и невысказанно грязной девушки. Что такое женщина в том месте, где находятся одни мужчины, причём довольно долго? Она – неземное создание, инопланетянка, космос! На «гражданке» этого не понимаешь. Там, даже если не дружишь с девушками, то всё равно видишь их вокруг десятками и даже сотнями: молодых, красивых, страшных – неважно. А здесь? Тут нет их вовсе. Будто в природе такого явления не существуют. Есть только щетинистые рожи, широкие плечи, крепкие руки, грубые голоса – и никого другого рядом. И тут появляется она. Роза в снежном лесу. Болонка в волчьей стае. Золотая рыбка в сельском пруду. Сказка! Разве можно реагировать на это спокойно? Потому-то Костю и заклинило от неожиданности: сломался, растаял вояка, пустил слюни, затрусил, виляя хвостом, за молодой су... сударыней. Только бы не засада там его поджидала. Максим крикнул Антону, чтобы доложил Петровичу о ситуации, а сам бросился в будку за Костей.

За дверью показалась лестница, ведущая в небольшой тоннель, который нырлял под кольцо трамвайных путей и, наверное, уходил в ре-

монтажные боксы. Вокруг стоял полумрак. Девушка шла уверенно, Костя спотыкался следом. Надо отдать ему должное: при всей своей увлечённости он всё-таки держал автомат как положено, на изготовке.

Впереди мерцал тусклый свет, угадывалась широкое помещение. Спустя полминуты взгляду открылся овальный зал, где мерцали десятки едко коптивших лучин и свечек. В нос ударил запах потных тел, грязных ног, гнилых продуктов, валерьянки. Худые, грязные, измождённые люди сидели у стен, затравленно глядя на пришедших гостей. Кто-то подстелил под себя соломку, кто-то – ворох тряпья, кому-то достался кусок картона. Старики, женщины, дети...

– Это солдаты! – громко сказала Саша. – Они за нами пришли.

Народ загудел, с кряхтением поднялся, робко двинулся навстречу. Из толпы донеслись обрывки фраз:

– За нами?

– Правда?

– Услышал Бог!

– Наконец-то!..

И вдруг это несмелое, будто проверявшее весть перешёптывание взорвалось женскими возгласами:

– Россия?!

– Солдатики!..

– Ребята!..

– Россия!..

Максим опешил. Вот уже чего-чего, а такой встречи он точно не ожидал, да что там – представить не мог подобного. В Чечне. В Грозном. В разрухе. В общем – сливай воду, туши фары.

Три женщины бросились к Косте, обняли его, принялись целовать и сквозь слёзы жаловаться:

– Ни еды, ни воды.

– Наверх выйти не можем. Везде стреляют, всё взрывают.

– Прячемся, чтоб не убили.

– Боевики заходят. Насилуют.

– Дома разрушены.

– Уехать не успели...

Максим не мог прийти в себя. Верно сказала Саша: «Мы вам там всё покажем и расскажем». Из осколков фраз, из жалоб, из плача было ясно и понятно ровным счётом всё. Без длинных объяснений,

без лишних расспросов и даже без слов была видна трагедия этих маленьких, попавших в жернова войны людей.

С очумевшим видом глядя на происходящее, тихо подошёл Антон.

– Тебя майор там вызывает, – сказал он Максиму.

– А сюда спуститься он не может?

– Не по адресу вопрос. Сходи и узнай.

Передав женщин с рук на руки, Максим отправился наверх...

Москвич сидел на подножке трамвая, покуривая в кулачок. Рядом топтался хмурый – теперь он был таким всегда – Петрович.

– Тебе кто разрешил самодеятельность? – спросил он Максима.

– Самодеятельность – это в деревенском клубе. А меня играть государство учило. Разведку местности провели. Обнаружили в подвале несколько десятков беженцев.

Видя дерзость подчинённого, что в последнее время проявлялось всё чаще и чаще, столичный майор попытался сгладить углы, зарубленные Петровичем.

– Подвал большой?

– Немаленький, – кивнул Максим. – Спуститесь, товарищ майор.

Здесь рядом.

– Ну-ну. Не хорохорься. Если надо будет, – спущусь, конечно. А пока нет такой необходимости. Мы их всё равно сейчас не увезём. Много их там?

– Человек сорок, наверное.

– Тем более. Колонну для такой толпы отдельно собирать надо.

Машины грузовые, прикрытие и всё такое.

Слева из дальних домов послышались выстрелы. Пули цокнули по крыше соседнего трамвая. Максим присел на корточки, чтобы не торчать мишенью.

– А женщины там есть? – поинтересовался Петрович.

– Там только женщины. Ещё старики. Все просят, чтоб забрали.

– Заберут, заберут, – успокоил майор. – Только другие. Потом.

– Вот идите и скажите им об этом. – скривил губы Максим. –

Я уж наслушался.

– О чём мне с ними разговаривать? Передай, что приедут за ними обязательно. Потом. Когда этот район освободят. Не до них сейчас. Война. Сами еле отбиваемся.

На этот раз выстрелы затрещали с другого направления. Максим переместился ближе к трамваю, обезопасив для себя хотя бы одну сторону.

– Давайте тогда заберём часть людей, – сказал он, оглядываясь на будку. – Сколько под броню влезет. Самых слабых.

Тут неожиданное человеколюбие проявил Петрович:

– В принципе – можно. Половину увезём. А другим скажем, что больше места нет. Должны понять.

Майор махнул рукой, заодно бросив сигаретку:

– Добро. Отбирайте человек двадцать и загружайте. Только быстро. А то уже пристреливаться начинают.

– Отбери и загружай, – продублировал команду Петрович.

– Я? – оторопел Максим.

– А кто, я?

– Ну да. Вы.

– А мне-то это на хрен надо? Не было, как грится, печали. Ты нашёл – ты и грузи...

Только спустившись вниз, увидев посветлевшие лица подземельщиков, услышав налившиеся звоном женские голоса, Максим понял, насколько тяжёлую миссию переложили на него отцы-командиры. Ему предстояло отобрать людей, сделав одних счастливыми, а других несчастными.

Вырвав Костю из объятий трех женщин, в числе которых была и Саша, он объяснил ему ситуацию. Тот воспринял известие даже с некоторым воодушевлением.

– Значит так, – загнул он палец. – Мы берём с собой Сашу. Потом...

– Суп с котом, – оборвал Максим. – Давай-ка, братан, посерьёзнее. Ты не въезжаешь, что ли, какая на нас миссия ложится?

– Да всё я понимаю. Не дурак. Говорю же. Первая садится Саша. За ней вот эта вот, с чёлочкой...

Максим нервно сплюнул и вышел на середину зала.

– Прошу у всех минуту внимания!

Гомон не затих. Люди оживлённо переговаривались, обсуждая свои вопросы и торопливо собирая скудные пожитки.

– Уедут не все! – выпалил Максим, будто прыгнул в ледяную воду. – Мы заберём только двадцать человек. Остальные будут ждать следующей колонны.

Повисло тяжёлое, как дождливое небо, молчание.

– А как же другие? – робко спросили из толпы.

Этого вопроса Максим боялся больше всего. «А как же другие?» – било под дых хлётким ударом. Сейчас одним повезёт, и вечером они окажутся под защитой армии, накормленные и напоенные, а другим – нет, и они останутся в этом концлагере, где ни еды, ни воды, плюс огромный риск попасть в лапы отможенных бандитов. Завтра или послезавтра, конечно, вывезут всех. Но что может случиться с ними за это время? Да всё что угодно! Потому как идёт война и каждая секунда может оказаться последней. В жизни так бывает – кому-то везёт, а кому-то нет, – и тогда говорят: «На всё воля Божья». Только сейчас эту волю будет представлять он, Максим, то есть возьмёт на себя роль Бога. Или полубога, что немногим легче. Как всё-таки не просто вершить чужие судьбы!..

Антон, кажется, уловил глубину момента и решил хоть как-то разрядить обстановку.

– Послушайте, – доверительно сказал он. – Нам самим крайне неловко. Но бэтээры не резиновые, все в них не поместятся. Вы лучше нас знаете, кому необходимо эвакуироваться в первую очередь. Посоветуйтесь, определитесь. Мы подождём.

Вопреки замыслу, это воззвание произвело обратный эффект.

– Молодой человек, – подошла к Максиму симпатичная девушка в тёмном платке. – Мне очень нужно уехать сейчас. Понимаете? Очень нужно. Я буду вам бесконечно благодарна. Вы меня понимаете? Я в долгу не останусь. Понимаете? Вы не пожалеете. Я вам обещаю.

Не дав ей договорить, подскочила вторая женщина. Молодая, большеглазая, с правильными чертами лица, она зашептала интимно прямо в ухо Максима:

– Возьми меня с собой, солдат. Не прогадаешь. Бери, пока дают. Не сомневайся, будешь доволен...

Он слушал женские обещания и смотрел в другую сторону, туда, где на мятой картонке сидела худенькая девушка с некрасивым корявеньким личиком. Рядом на куче пёстрого тряпья лежал иссохшийся старик, которому она время от времени поправляла шапку под головой. По всей видимости, это были дедушка и внучка. Скромная, невыразительная, слабая девочка не побежала просить место в бэтээре. Куда ей было тягаться с этими смелыми, готовыми на всё бабами!

Кому она нужна? Какой с неё прок? А с деда? Она даже не пыталась бороться за удачу. Какие шансы?

Максим смотрел на них и думал, что, наверное, с ролью Бога он перегнул, слишком уж высоко замахнулся, но зато теперь отчётливо понял, по каким соображениям будет отбирать людей.

– У меня все готовы, – возбуждённо дыша, подбежал Костя. – Вон, все в коридоре стоят. Можно выводить.

Максим скользнул по строю беглым взглядом, и этого вполне хватило, чтобы определить пол и возраст отъезжающих, а также оценить их внешнюю привлекательность.

– Так, – сухо сказал он. – А теперь сдвигай свой гарем в сторону и выводи наружу тех, кто остался в зале.

– С какой это стати?

– С такой. Мне поручили людей отбирать, и я отбираю. А именно – тех, кого ты забыл.

– Ты чего? Ты не понимаешь, что ли? Эти же всё для нас...

– Я больше твоего понимаю. И поэтому так решил. Сдулся быстро, отскочил с дороги!..

* * *

Вечером только ленивый не высказал Максиму претензий за странный отбор беженцев.

– Ты конкретный придурок, – процедил Костя. – Нормальный мужик от бабы ни за что б не отказался.

– Точно, – вставил Влад. – Ума нет – считай калека.

Лишь Антон оставил своё мнение при себе, то ли из чувства такта, то ли уловив истинные мотивы поступка.

Сидя у огня, ужинали без настроения. Максим уже был сам не рад такому исходу, не думал, что ребята воспримут всё настолько болезненно и даже враждебно. Никто его не понимал. Никому не хотелось влезать в его шкуру, брать на себя роль Вершителя, который способен не только приказывать, но и тащить на себе груз немалой ответственности. Кто-то спросит – перед кем? Ведь ты же был абсолютно свободен в своих решениях.

Но здесь как раз и наступал так называемый «момент истины». Кто ты – человек или крыса? Сильный или слабый? Душа или желудок? Сможешь ли выдержать испытание бесконтрольной властью?

Когда от тебя зависит – убить или помиловать, спасти или бросить, разрушить или сохранить, – ты становишься неподсудным, всемогущим. И тогда к тебе подкатывается тот самый многотонный вагон ответственности – перед собой, перед людьми, перед небом. Тебе стыдно поступать примитивно, исходя из меркантильных интересов, ты стараешься подняться над землёй, посмотреть на всё сверху, отключить животное и призвать на суд справедливое, человеческое. Если тебе это удаётся – ты чувствуешь себя личностью. А если нет... Максиму важно было ощутить себя человеком, потому что животным он себя уже чувствовал, там, в канаве у высотки, когда буквально загрыз чеченца.

* * *

На Антона разговор с командирами подействовал удручающе. Вновь вернулось состояние депрессии от всего здесь происходящего, не понимаемого и не принимаемого им. Всего несколько лет назад была огромная страна, где всё стояло на своих местах. Социализм, равноправие, дружба, высокая духовность... Сегодня же большая страна рухнула, и на смену социализму пришёл свободный рынок, а с ним – жажда обогащения по законам джунглей. Духовность – на помойке; честность, порядочность, благородство – в сточной канаве. Дружбы без выгоды нет. Каждый выкручивает свой интерес. В этих условиях полыхнула война. Тоже новая: с другим знаменем, с неясной мотивацией, с рыночной психологией, где своя рубаха ближе к телу, но главное – без общей, понимаемой всеми идеи.

Ему казалось, что он плывёт на дряхлой яхте, битком набитой разномастными пассажирами. Компас не работает. Штурвал заедает. Паруса дырявы, а мачты сломаны. Единой команды нет. Капитан в постоянном запое. Приказы отдаёт, не выходя из каюты: «лево руля», «право руля», «так держать». Он даже не догадывается, что судно плывёт неизвестно куда. Он вообще не понимает, в какое путешествие отправился и зачем.

* * *

Ночью снилась Тома. Впервые за всё время. Что их связывало? Максим и сейчас не мог на это чётко ответить. Тёмненькая, высокая, симпатичная, с роскошными миндалевидными глазами, она работала

психологом в областном управлении. Бойцов нередко после сложных операций подвергали проверке на вменяемость. На базу приезжала целая команда психологов и, развея парней по кабинетам, начинала выяснять, не течёт ли у кого-нибудь крыша. С этого всё и началось...

Максим встрепенулся, сел на лежаке. Так. Теперь девчонки будут сниться каждую ночь? Нет. Воля плюс характер – приёмы отработаны. Он поднялся на ноги, тряхнул головой, на которой зазвенели затвердевшие от пота и грязи прутья-волосы, и пошёл прогуляться в сторону штабного отсека

Опять дежурил Соловьёв, но на этот раз он не клевал носом, а с кем-то общался по рации.

– Привет, – сказал Максим. – Кому не спится в ночь глухую?

– Это «чех». Тот самый. Полевой командир. Мозг мне промывает. Хочешь потрещать?

– Давай. Развеюсь.

– Садись. Я пока на толчок сбегая. Уже терпеть не могу.

Максим опустил на стул. В рации что-то говорили, но всё тише и тише, а потом вообще замолчали. Через короткую паузу в эфире уточнили:

– Ты меня слышишь там, а?

– Да, – ответил Максим. – Слышу нормально.

– О! Старые знакомые, – узнал его чеченец.

– Неужели запомнили?

– А почему нет? У тебя дикция хорошая.

– Вот как?! Впервые слышу такой комплимент. Вы тоже чисто говорите. Без акцента.

– Я рассказывал тебе, что учителем работал. Я по-русски говорю лучше, чем многие русские.

– Ну, не лучше, конечно. Но спорить не буду.

– Правильно. А вот я с тобой хочу продолжить спор.

– На ту же тему?

– А на какую ещё?

– На любую можно. О спорте, например. Правду говорят, что все кавказцы с детства борьбой занимаются?

– Чистая правда. Мальчик должен вырасти сильным и смелым. А спорт – самый хороший в этом помощник.

– Вы сами чем занимались?

– Сначала классической борьбой. Или, как её теперь называют, греко-римской. Потом – вольной. На первенстве Союза выступал.

– А вы давно учителем работаете?

– Работал... Да, давно. Многих учил, тренировал. В моём отряде – почти все мои ученики. Хорошие ребята.

– Скажите, а зачем нужно было собирать отряд и вести его в бой, если вас никто не трогал?

Голос чеченца затвердел:

– Потому что на мой дом, на мою землю напали.

– Не сочиняйте. Никто на мирных людей не нападал. Это вы тут русских притесняли. Из домов выбрасывали, грабили, резали.

– Это не мы. Это индейцы. А мы с русскими хорошо жили.

– Какие «индейцы»?

– Уголовники. У вас они тоже есть.

– Только мы своих бандитов ловим и в тюрьмы загоняем. А вы со своими спелись и вместе против нас воюете. И чем же тогда вы лучше тех «индейцев»?

– Вы пришли к нам с оружием.

– Не к вам, а к бандитам.

– Мы сами со своими бандитами разберёмся.

– Мы видели, как вы разбирались. Русских жителей или вырезали, или выгнали из домов.

– Это не мы.

– Опять вернулись к старому.

– Да, вернулись. Потому что вы ведёте себя по-варварски.

– И ещё раз повторю. Варварство – это шашлык из пальцев солдата. Ладно... Отбой.

* * *

К бэтээру он прибежал, когда Антон уже сидел на земле перед обмякшим телом Бори. Его мёртвое иссиня-бледное лицо, поросшее жидкой серой щетиной, выглядело по-детски безобидным. Будто это лежал не боец, а простой мальчишка, только что игравший в войнушку. Ему крикнули: «Ты убит». И он упал, притворяясь мертвым. И казалось, вот сейчас он откроет глаза, встанет, улыбнётся и скажет: «Всё, игра окончена. Я ожил»... Но только не шевелился Боря, и лицо его становилось всё бледнее.

– Куда его? – спросил Максим, не увидев на теле пулевых отверстий.

Влад молча взял обеими руками Борину ладонь, прижал её к своей груди и нервно закачался взад-вперёд. И отдалённо это было похоже на то, как мать укачивает младенца. Только в левом боку малыша, между пластинами бронезилета, – темнели два кровавых пятнышка...

* * *

Максим поискал взглядом Костю. Его нигде не было. По коридору сновали бойцы. Одни, отстрелявшись, отходили от окон, другие занимали их место. В воздухе висел тугой горячий запах пороха, повсюду лаяли автоматы, хлестали эсвэдэшки*, рычали пулемёты. Иногда в коридор врывались пули, рикошетили от стен, забивались в углы, плинтуса, косяки.

Максим отправился на поиски Кости. Проходя по коридору, заглядывал во все кабинеты и везде видел одну и ту же картину: бойцы отливали в окна свинец килограммами, перезаряжались, меняя друг друга на позициях. В некоторых комнатах стоял густой пороховой туман, и это при том, что всё продувалось насквозь. Максим рассчитывал увидеть Костю, остервенело молотящего из окон по «духам», но, зайдя в очередной кабинет, он столкнулся совсем с другой картиной. Костя и Влад сидели с потерянным видом у стены, держа в руках опущенное оружие. У окна молча и сосредоточенно отсекал выстрел за выстрелом снайпер.

– Вы чего? – спросил друзей Максим. – Патроны кончились?

Влад не шелохнулся. Костя вяло махнул рукой.

Максима это взбесило:

– Вы что, вашу мать, как амёбы?! Ответить не можете? Один там сидит, слова хрен вытянешь, другие здесь чаруются. Задрали вы уже меня все! Валите за ящиком оба! Быстро!

Костя поморщился и тихо сказал:

– Не шуми. Туда посмотри.

– Куда? Зачем?

Снайпер оглянулся на Максима и, подозвав его жестом, дал взглянуть в прицел эсвэдэшки.

* «Эсвэдэшка» – снайперская винтовка Драгунова (СВД).

В оптике поплыли здания Совмина, обгрызенные пулями и осколками, без стёкол, с вывернутыми рамами. В окнах «чехи». Они били и по высоте, и куда-то в сторону, вероятно, туда, откуда подбирались штурмующие комплекс армейцы.

– И что? – спросил Максим. – Ну «чехи», ну стреляют. Я этого не видел, по-твоему?

На смуглом щетинистом лице снайпера заходили желваки.

– Ты такой же слепошарый, как все эти. Третий этаж на одиннадцать часов просмотри. И рядом – на час.

Максим уткнул бровь в резинку наглазника.

Третий этаж... На одиннадцать часов... Влево...

– Ну?.. Окно. Большое. Чем-то заставлено...

– Чем-то?! – взбесился снайпер. – Глаза-то разуй! Не тупи!

Максим всмотрелся. То, что показалось ему какими-то досками с тряпками, – было крестом. А на нём...

У Максима перехватило горло. В груди что-то глухо оборвалось. В висках застучало, кровь начала пульсировать, выталкивая наружу вены...

На кресте был распят белобрысый чумазый солдатик.

Голова его свешивалась на грудь. Форма разошлась в стороны, и внутри виднелось грязно-серое нательное бельё, которое Максим и принял за тряпки. Руки его были примотаны к плахам креста ржавой проволокой. Ноги сведены вместе и тоже привязаны чем-то, похожим на верёвку. Видно, проволоки палачам не хватило. Из-под задравшихся штанин выглядывали тонкие белые щиколотки.

А потом... Потом случилось самое страшное. Солдат... приподнял голову!

Он был ещё живой... Живой!.. Невыносимо...

* * *

На дороге громыхнул мощный взрыв. Бэтээр содрогнулся, вздыбился, откинул в сторону передние колёса и рухнул брюхом в грязь. Максим, контуженный, очумевший, взлетел, кувыркаясь в воздухе, описал широкую дугу и приземлился за голым придорожным кустарником...

Неизвестно, сколько прошло времени, но оно будто бы повернулось вспять, заставив Максима выбираться из другого мира. Постепенно появился слух. Послышались звуки: стрельба, взрывы, чья-то речь.

Говорили на чеченском вперемешку с русским. Максим прислушался... Вроде бы всё понимал. Что-то о женщинах-снайперах из «Белых колготок». Один чеченец сказал, что никогда их не видел. Второй пообещал познакомиться. Даже назвал какое-то прибалтийское имя.

О «Белых колготках» Максим знал, но лицом к лицу с ними не сталкивался. Хотя работу их видел и слышал не раз. Это были щелчки мелкокалиберных винтовок. Говорили, что эти снайперши – бывшие биатлонистки.

На этих мыслях он получил сильный пинок под рёбра и от неожиданности вскрикнул.

Двое чеченцев, молодые, крепкие, с жиденькими, ещё не затвердевшими бородками, смотрели на него как на подстреленную дичь – с аппетитом.

Тот, что повыше, достал из кармана бушлата рацию и отошёл в сторону. Второй присел на корточки перед Максимом.

– Сколько наших убил?

– Не знаю.

– А кто знает?

С последним словом «чех» заехал кулаком в челюсть Максима. По больному месту. Из глаз брызнули слёзы.

Подошёл второй боевик, продолжая говорить по рации.

И тут Максим услышал знакомый голос из динамика. Это был школьный учитель.

– Я вашего командира знаю, – сказал Максим, еле двигая челюстью. – Он меня тоже.

Чеченец на секунду замолчал, отпустив тангенту*.

– Шутишь так?

– Нет. Я знаю его. Он бывший учитель.

Боевики переглянулись.

Тот, что с рацией, опять отошёл в сторону.

Второй наклонился к Максиму, зачем-то заглянул в глаза.

– Откуда его знаешь?

Максим неопределённо пожал плечами. Конечно, он рисковал. Полевой командир мог и не вспомнить недавнего собеседника по эфиру. А если и вспомнит, то где гарантия, что добрым словом?

* «Тангента» – кнопка (или клавиша) для приёма на передачу в переносной радиостанции.

Вернулся чеченец с рацией. Молча протянул её Максиму.

– Говори.

– Здравствуйте, – сказал Максим. – Это я с вами про спорт разговаривал на базе.

– О, знакомый голос, – послышалось в динамике. – Опять встретились?

– Да уж.

– Ну что? Не послушал меня? Не захотел домой уезжать?

– Нет.

– Пожалел теперь, что старших не слушал?

– Я пожалел мальчишек, которых на Совмине видел.

– Ты был на Совмине?

– Был.

– А зачем жалел? Кто звал туда тебя и ваших мальчишек?

– Приказ.

– Э-э, какой приказ? Зачем выполнять глупые приказы?

– Я служу.

– Ты захватчик, ты варвар.

– Возможно, есть и среди нас скоты. Но есть они и среди вас. Потому что нормальный человек живых мальчишек к крестам прибивать не будет. Пусть даже он сто раз прав в своей войне. Но воевать тоже можно по-разному.

– Каких мальчишек? Какие кресты?

– На Совмине сегодня в окна выставили наших мальчишек. Прибитых к крестам.

– Вах! – не сдержался учитель.

– Вы считаете, что тот, кто это сделал, верит в Бога или Аллаха?

– Трудно сказать...

– Вам трудно, потому что он на вашей стороне. А был бы на нашей, вы бы сказали: варвар. И политики здесь ни при чём. Это каждый решает за себя. И отвечает каждый за себя. За то, что делает. Там, где находится. Я не могу не воевать: я боец. Я шёл служить и знал, куда иду. Но я могу не жечь дома, не мародёрствовать, не стрелять в безоружных, не издеваться над пленными, могу помогать мирным, ни в чём не виновным людям. Я много чего могу. Лично я... И вы. Вы тоже можете.

– Да, могу... Отрезать тебе голову. За то, что стрелял в моих братьев и сестёр.

– Это не от меня зависело. В меня стреляли – я стрелял. А то, что помогал мирным людям, отдавал им свой паёк – это от меня. Лично от меня. И на небе буду отвечать за свои поступки, а не за чужие. И каким приду к Богу – тоже от меня зависит.

Максим замолчал. Повисла пауза. Высокий чеченец выхватил рацию из его рук и отошёл в сторону.

Разговаривал долго. Спустя минут пять вернулся и сказал напарнику:

– Отпусти...

...

Качаясь из стороны в сторону, Максим шёл по дороге и думал о случившемся. Люди могут между собой договориться. Могут. Это называется народной дипломатией. Война войной, но человек – везде человек.

Пули от мелкашки оборвали его мысль. Первая впиалась в ногу. Вторая ужалила в шею.

Он повалился в грязь, чувствуя, как жизнь выходит из него вместе со струёй тёплой крови.

Никого не было рядом. Никто не пытался его вытащить. Никто не накладывал повязку. Некому было сказать: «Держись, браток. Я здесь. Я с тобой».

Он умирал один.

В чужой стороне.

На непонятной войне.

Неизвестно, за что и против кого.

Один.

Как сирота.

Он безвольно откинулся на спину и в последний раз посмотрел на небо...

Чистое, синее, почти без облаков. Оно как будто успокаивало его. Будто говорило: «Не бойся. Это случается с каждым. Это конец земной жизни. Только земной».

Бессильными пальцами он потянулся ко лбу.

Нет, он был не один. Уже не один. Жаль, слишком поздно это понял.

Рука его безжизненно упала, когда дочертила на груди крест...

